

Но одно дело знать, а другое - столкнуться с этим наяву. Не говоря уже о тонких стенах, от которых в ушах звенели стоны, похожие на сабвуфер.

Только когда он вошел на кухню и начал готовить ужин, он смог отбросить панику.

Время ужина в казарме было 6 часов, и Лан Юй иногда ходил в столовую, чтобы поесть, но, когда он не хотел идти, он просил Кун Фэя принести еду в общежитие.

Сейчас было 7 часов, и время ужина давно прошло. Но еда была невкусной, так что он мог бы приготовить ее сам.

В холодильнике нашлись ингредиенты, которые он приготовил два дня назад, поэтому он умело приготовил стейк и салат и принес их на круглый стол на маленьком балконе.

Лу Жанькун, сосед 303-го, тоже закончил принимать душ и смотрел фильм в доме, а диалог между мужчиной и женщиной, играющими главные роли, доносился до него под фоновую музыку.

Нет, вы не должны идти на войну! Так много омега потеряли своих альфа! Я не хочу стать одной из них и плакать.

Дорогая, послушай меня, чтобы защитить планету Сасу, как создатель меха, я должен идти в бой.

Лан Юй некоторое время спокойно смотрел фильм, и теперь, когда он услышал эти слова, он не мог не посмотреть на балкон.

Третья казарма находилась за пределами главного города планеты Ката, Белла, с трех сторон окруженного морем. Его маленький балкон выходил на море, поэтому пейзаж был потрясающим.

Вдыхать ли морской бриз по утрам и ждать восхода солнца, или тихо любоваться луной ночью, или готовить сладкий послеобеденный чай - балкон был лучшим местом для отдыха.

...Только не поворачивай голову, чтобы посмотреть на балкон 303-й комнаты.

Он не знал, кто проектировал это здание общежития, но балконы двух соседних номеров были прилеплены друг к другу, и между ними была лишь короткая ограда из железных цветов.

Когда он стоял на балконе, выходящем на море, он почувствовал, что его разочарование и тревога улетучились.

Затем он повернул голову, чтобы посмотреть на соседний номер 303, и чуть было снова не впал в самоизоляцию.

На балконе рядом с ним однотонные светло-серые плитки пола больше не были видны в своем первоначальном цвете. Они были покрыты толстым слоем пыли и завалены каким-то беспорядочным металлоломом.

Повсюду были разбросаны несколько сохнувших носков, похожих на засохшие слойки бекона на вешалках, и они туго крутились на ветру.

На резном заборе, покрытом черным лаком, висели два железных листа дерева, а слева и справа висели два тапочка.

Тапочки выдержали большое количество ветров и дождей, а длинная коричневая пушистая ткань была вся скручена.

Лан Юй с рождения любил чистоту, обычно он, работая, отсутствовал дома дольше недели, но как бы он ни был занят и устал, первое, что он делал, придя домой, - это убирался внутри и снаружи.

Он убирался до тех пор, пока в том месте, куда он смотрел, не оставалось ни пылинки. Но этот потрепанный балкон, расположенный так близко к его блестящему балкону, не позволял ему не обращать на него внимания.

Он просто хотел увидеть закат и почувствовать ветерок на собственном балконе, поэтому он отвернулся от беспорядка. С глаз долой - из сердца вон.

Фильм, казалось, закончился, из комнаты 303 снова раздался звук лязгающего металла, и он не знал, что делает Лу Жанькун.

Лан Юй больше не смотрел туда, чтобы не задеть балкон, а только ускорил процесс еды.

Он набирал стакан воды, не обратил внимания, и ложка упала на землю и закатилась в одну из щелей на балконе. Он беспомощно опустил на корточки и протянул руку, чтобы нащупать щель.

Ложка была засунута глубоко, и его пальцы тянулись и ползли внутрь, как вдруг он нащупал комок материала, похожего на ткань.

Что это?

Он с подозрением подцепил тканевый шарик, медленно вытащил его и приподнял рукой.

Похоже, это был носок.

Но как здесь мог оказаться его собственный носок?

Он поднес носок к глазам, чтобы внимательно рассмотреть его, и обнаружил, что серый цвет и жесткая текстура выглядят довольно знакомыми.

Он медленно повернул голову, чтобы посмотреть в соседнюю комнату, и внимательно рассмотрел сухие носки в виде бекона висевшие на вешалке. Затем он молниеносно бросил то, что держал в руках, и схватил влажные салфетки на круглом столике, чтобы вытереть руки.

Он использовал несколько влажных салфеток подряд, пока его пальцы не начали краснеть,

прежде чем он успокоился.

Носки соседнего дома обдувал морской бриз в его сторону.

Лан Юй обернулся и вернулся в дом, вытащил из шкафа кусок ткани, который остался от простыни, а затем вытащил коробку с иглами и нитками, которую он только что купил, и быстро нанизал иголку и пришил несколько застёжек на ткань.

После того, как была найдена металлическая проволока для продевания нитки через ткань, была готова простая занавеска.

Он повесил занавеску между двумя балконами, затем достал с кухни пару одноразовых перчаток и надел их. Он нахмурился, скрутил носок двумя пальцами и приготовился бросить их на следующий балкон.

Как раз в тот момент, когда он собирался выбросить их, он услышал странный звук.

Ах... Вот так... Ах... Я не могу...

Лан Юй замер на месте.

Лу Жанькун просто делал то и другое в ванной, но сколько времени прошло с тех пор, как он вышел, и он смотрит порно?

Звук очень громкий, ты не устал??

Этот зверь альфа-самец был в состоянии спаривания в любое время!

Он остановился с красным лицом, его глаза бродили вокруг и упали на его горшки суккулентов.

Он выкопал несколько больших камней и засунул их в носок, целясь в кучу железных обломков на соседнем балконе.

Гора обломков обрушилась с ударом.

Не дожидаясь, когда Лу Жанькун выйдет проверить, Лан Юй быстро поднял занавеску между двумя балконами и вернулся в дом.

Лу Жанькун находился в комнате и занимался отладкой арбалета, который он только что сделал.

Согласно древней книге, он соединил свои собственные идеи. Древний арбалет был размером с ладонь, и с его помощью можно было достать небольшие предметы.

По этой причине он также специально искал старинный фильм. Пока он мог не спать во время любовных сцен, он мог смотреть на главного героя и делать безделушки.

У него не было других увлечений, он любил возиться только с этими мелочами, и его балкон был полон производственных материалов, которые были его сокровищем.

Лу Жанькун тщательно калибровал стреляющий штифт в арбалете, выполняя последний процесс, а воздушная проекция показывала, как герой и героиня метались и ворочались в страстной и невыносимой манере, издавая ммм, ах, нгх.

В тот момент, когда он, затаив дыхание, возился с металлической иглой, похожей на волос, на балконе раздался внезапный громкий шум. Затем груда материалов зазвенела и упала на землю.

Его руки дрожали, игла отклонилась.

Полчаса работы снова прошли впустую.

Лу Жанькун вздохнул: эти проклятые морские птицы, они всегда без предупреждения бьются о балкон.

Он положил арбалет и вышел, чтобы положить материалы на место, и только поднялся, как вдруг обнаружил в углу свой носок.

Носок был оттопырен, а через открытую манжету виднелось несколько белых камешков.

Лу Жанькун: ...

Невозможно, чтобы морская птица запихивала камни в носок, а потом несла их во рту, чтобы попасть на балкон.

Он пошевелил шеей, встал и повернул голову. Прошел целый месяц с тех пор, как он сражался с Лунатиком К. Настало время для нового боя.

Как только он повернулся, он был ошеломлен.

Его глазам предстал розовый лист, плотно закрывавший балкон.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что верхняя часть простыни украшена вышивкой: по обе стороны балкона висели маленькие цветы, танцующие на ветру.

Это была не простыня, а явно занавеска ручной работы.

Лу Жанькун, забыв о гневе, медленно подошел и приблизился, чтобы рассмотреть розовые цветы.

Через некоторое время он ошеломленно рассмеялся.

Лан Юй вернулся в дом и сел на свою односпальную кровать, его сердце все еще слегка

подпрыгивало.

Он дал себе зарок не вести себя слишком развязно, и благодаря этому его часто выбирали журналы как самого элегантного и разумного омегу.

Он был скромнен и вежлив, и всегда сохранял самообладание, когда что-то шло не так. Как идеальный партнер в сердцах большинства альфа, так он был и предметом изучения всех омег.

Но только потому, что на балкон упал носок, нагруженный камнями, которые он отбросил назад, он стал слишком импульсивным, слишком эмоциональным.

Лан Юй размышлял в своем сердце: не слишком ли много я играю в полковника К? Не начал ли я неосознанно поддаваться влиянию?

Как хороший актер, он должен отделять роль от реальности, это была истина, которую он всегда понимал и всегда делал хорошо.

Будь то преувеличенно смешной актер или убитый горем плакса, после "отсечки" он быстро выходил из сцены и возвращался к реальности.

Эта "отсечка" была нотой завершения, эмоциональным переключателем, командой, выгравированной в его сознании, что позволяло ему всегда с легкостью ставить и убирать.

Два человека, снимающие эмоциональные сцены, скорее всего, привяжутся друг к другу, но независимо от того, насколько горяч и ласков он был в сцене, когда он сталкивался с признанием другой стороны наедине, он спокойно говорил: - Ты слишком глубоко погрузился в сцену.

Однажды отвергнутый альфа сказал: - Лан Юй, ты кажешься идеальным, но на самом деле это только видимость, у тебя нет своих настоящих чувств, радости и печали.

Лицо Лан Юя не выражало никаких эмоций, пока он взял шарф своими руками и думал об этом.

Погода становилась все холоднее, нужно было подготовиться заранее, поэтому он использовал лучшую кашемировую пряжу, вывязывая шарф мягче, чем те, что продают в торговых центрах крупные бренды.

Он двигал руками, чтобы сделать аккуратные стежки, его сердце было полно радости.

Кто сказал, что у меня нет радости и печали?

Он также обнял куклу бурого медведя на подушке, поцеловал ее в макушку и сказал: - Гу Гу, ты мне так нравишься.

Кто сказал, что у меня нет настоящих эмоций?

Только когда терминал показал, что уже 10 часов вечера, он положил вязанный шарф обратно на прикроватную тумбочку. Он обнял Гу Гу и взял щетку, чтобы расчесать его шерсть.

Он был сиротой и рос в приюте, сопровождаемый лишь куклой, подаренной другими.

Столько лет он блокировал демонов, подстерегавших его в темноте после выключения света, и сплетни, нападавшие на него, пока бурый медведь прятался в его объятиях в своем гнезде.

Сразу после трансмиграции бурый медведь исчез, и вскоре Кун Фэй купил другого, почти такого же, сказав, что хочет изучать культуру медведей.

Кун Фэй не понимал, какое отношение эта кукла имеет к медвежьей культуре, но это был приказ полковника К, и он не стал задавать лишних вопросов, даже если бы это означало изучение формирования системы планеты Сасу через плюш.

Лан Юй прислонился к кровати, скрестив ноги, расчесал мех на голове бурого медведя, перевернул его, чтобы тот плюхнулся ему на колени, и начал расчесывать мех на его спине. Он прошептал ему: - Гу-гу, сегодня я убил человека, убил по-настоящему, а не понарошку. Раздался выстрел, и он умер.

В памяти всплыл облик зеленокожего трупа, и его сердце сжалось.

За окном дует морской бриз, волны бьются о берег, сопровождаемые щебетанием морских птиц.

Расслабляющие звуки дня становятся жуткими ночью.

Лан Юй положил расческу, крепко обнял бурого медвежонка и забрался под одеяло.

Он не выключил свет, просто лежал с закрытыми глазами, но мысли его становились все яснее и яснее.

Вдруг зеленокожий труп открыл глаза, из дыры во лбу хлынула кровь. Затем он почувствовал холод под ногами, и сухая зеленая рука протянулась из-под одеяла...

Лан Юй плотно закрыл глаза. Его глаза под тонкими веками быстро вращались, дыхание было быстрым и неистовым, а бурый медведь обнимался до тех пор, пока не деформировался.

Как раз в тот момент, когда он пытался сдержать свой страх и начал мысленно декламировать строки, из соседней комнаты раздался резкий стук и топот тапочек.

Затем раздался вибрирующий звук электрической зубной щетки, стук и смыв унитаза.

Эти звуки смешались вместе, как золотой амулет, всколыхнув застывшую неподвижность страха, и темные тени и зеленые человечки, которые шевелились, мгновенно сошли на нет.

Через некоторое время звук тапочек снова раздался до самой соседней стены, из стороны в сторону, попадая в ухо сквозь подушку.

Затем матрас слегка скрипнул, стены снова задрожали, и вместе с ними задрожала и его кровать.

Все стихло, и Лан Юй потянулся, чтобы выключить свет.

Кто-то был совсем рядом, шум морского бриза, бьющегося об оконное стекло, больше не был резким, а темнота больше не пугала.

Из комнаты подполковника Бина, 304, расположенной по диагонали коридора, доносились два стука, словно он прибывал что-то к стене.

Он отпустил бурого медведя на руки, зевнул и спокойно заснул.

<http://bllate.org/book/17908/1714162>